

УДК 327.8

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Ирхин А. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: alex.irhin@mail.ru

В 2002 году к власти в Турецкой Республике приходит Партия справедливости и развития. Через полтора десятилетия результатом ее деятельности является лидерство Турции по четырем основным показателям силы: экономики, военного потенциала, самостоятельных технологических возможностей и привлекательности современной массовой культуры – по которым Анкара может быть определена региональной державой на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе. Хотя Партия справедливости и развития на региональных выборах в 2019 году потеряла поддержку в ряде турецких ключевых районов, в том числе в городе Стамбуле – родине Р. Т. Эрдогана, она остается главной политической силой внутри государства и драйвером развития новой региональной подсистемы международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе. В статье исследуется эволюция российско-турецких отношений после прихода к власти в Турции партии Справедливости и развития и делается прогноз развития данной сферы международной политики с учетом развития тенденций по регионализации мирового порядка. Отношения России и Турции с начала XXI века прошли определенную эволюцию, однако схожесть на системном уровне партийных проектов партий Справедливости и развития и Единой России в целом сформировал фундамент совместных интересов, в основе которого лежит державное возрождение традиционных региональных империй и как следствие размывание модели однополярного мира в регионе. Однако по мере ослабления глобальной сверхдержавы – США – и заполнения вакуума военно-политического влияния региональными акторами, неизбежно возникают обоюдные противоречия между последними.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Россия, США, внешняя политика.

На протяжении последних двух десятилетий система международных отношений эволюционировала – от периода монополярного мира (1998–2008) до этапа его активного разрушения за счет объективных процессов и целенаправленной политики региональных держав (2008–2016), который сменяется наступившей эпохой регионализации мира (2016 – и до настоящего времени), когда США сами возглавляют процессы антиглобального развития мира [1; 2].

В 2002 году к власти в Турецкой Республике приходит Партия справедливости и развития. Через полтора десятилетия результатом ее деятельности является лидерство Турции по четырем основным показателям силы: экономики, военного потенциала, самостоятельных технологических возможностей и привлекательности современной массовой культуры – по которым Анкара может быть определена

региональной державой на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе.

№	Государства	Площадь (квадратных км.)	Береговая линия км.	Сухопутная граница км.	Население млн. человек	ВВП и структура экономики долларов	Государстве нный долг, % от ВВП	Военный бюджет, % от ВВП
1	Россия	17098242	37,653	22,408	142257519	3,751 трлн.	10	5,4
2	Турция	783562	7,200	2,816	80845215	1,988 трлн.	29,4	1,73
3	Грузия	69,700	310	1,814	4926330	14,22 млрд.	44,5	2,23
4	Украина	603,550	2,782	5,618	44033874	353 млрд.	81	3,67
5	Болгария	110,879	354	1806	7101510	144,6 млрд.	29,5	1,44
6	Румыния	238,391	225	2,844	21529967	441,6 млрд.	37,6	1,42
7	Молдова	33,851	0 (Джурдж улешты)	1,885	3474121	18,92 млрд.	43,3	0,44
8	Греция	131,957	13,676	1,110	10768477	289 млрд.	179,4	2,56
9	Республика Кипр	9,251	648	156	1221000	29,67 млрд.	107,8	1,78 (Две британс кие военные базы)
10	Сирия	185,180	193	2,363	18028549	50,28 млрд.	55,7	-
11	Ливан	10,400	225	484	6229794	85,16 млрд.	146,6	4,76
12	Испания	503,370	4964	1,952,7	48958159	1,687 трлн.	99,4	0,91
13	Израиль	20,770	273	1,068	8299706	300,6 млрд.	60,7	5,64
14	Египет	1,001,450	2,450	2,612	97041072	1,132 трлн.	111,2	1,67
15	Ливия	1,759,540	1,770	4,339	6653210	55,41 млрд.	7,4	-
16	Алжир	2,381741	998	6,734	40969443	612,5 млрд.	18	6,55

17	Марокко	446,550	1,835	2,362,5	33986655	281,8 млрд.	77	3,28
18	Тунис	163,610	1,148	1,495	11403800	130,6 млрд.	62,4	2,32
19	Италия	301,340	7,600	1,836,4	62137802	2,235 трлн.	62,4	1,51
20	Франция	551,500	3,427	2,751	67106161	2,734 трлн.	96,4	2,26
21	Ватикан				415000			
22	Хорватия	56,594	5,835	2,237	4292095	95,06 млрд.	83,8	1,38
23	Албания	28,748	691	362	3047987	11,800	72	1,23
24	Черногория	13,812	293,5	680	642550	10,36	71,3	1,61
25	Босния и герцеговина	51,197	20	1,543	3856181	42,23 млрд.	44,2	0,99
26	Словения	20,273	46,6	1,211	1972126	66,23 млрд.	79,7	0,92
					731 198 303 – 10% от населения Земли (7,3 млрд. на 1.01.16)	13,527 трлн. 3033, 04 млрд=3,033 трл. ИТОГО: 16,56 трлн. Или 25 % от глобального ВВП		

*Использованы статистические данные: <https://www.cia.gov>.

Хотя Партия справедливости и развития на региональных выборах в 2019 году потеряла поддержку в ряде турецких ключевых районов, в том числе, в городе Стамбуле – родине Р. Т. Эрдогана, она остается главной политической силой внутри государства и драйвером развития новой региональной подсистемы международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе.

Цель публикации заключается в выявлении основных параметров и принципов турецкой внешней политики и ее эволюции после прихода к власти Партии справедливости и развития в хронологическом периоде с 2002 по 2019 гг.

Объектом исследования является турецкая внешняя политика, а предметом – эволюция турецкой внешней политики в период 2002–2019 гг., что позволит выделить основные параметры внешней политики Анкары и оценить их

противоречие с геополитическими интересами России на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе.

В качестве **методологии** использованы системный, геополитический и цивилизационный подходы.

Турция уникальное государство, которое за последнее столетие прошла путь от подражания Западу (после кемалистских реформ 1920-х) в своей внешней и внутренней политике до возвращения к своим цивилизационным корням (с 2002 года). С последней тенденцией связан также и выбор турецкой элиты в пользу имперского возрождения государства, что является прямым следствием политики Партии справедливости и развития. К концу второго десятилетия XXI века действующий президент Турции Р. Т. Эрдоган сконцентрировал в своих руках беспрецедентные внутривластные и внешнеполитические ресурсы, позволяющие ему формировать два направления турецкой политической жизни, а конституционная реформа 2017 года завершила в целом этот процесс:

1) упразднена должность премьер-министра, как руководителя правительства, которая подменяется назначаемыми президентом вице-президентами, подотчетными не Парламенту, а лично президенту – главе государства и исполнительной власти;

2) президент может распускать Парламент по любым основаниям, в то же время, Парламент не имеет существенных рычагов воздействия на исполнительную власть (в частности, отменено право Парламента требовать отчета министров и правительства) за исключением процедуры импичмента, которая обставлена значительными сложностями и трудно реализуема;

3) президент Турции может издавать законы в обход Парламента;

4) президент назначает большинство членов Конституционного суда (12 из 15), а также значительное число Совета судей и прокуроров – надзорного органа судебной системы Турции;

5) политическая ответственность президента ограничена только выборами, проходящими раз в пять лет. По новой Конституции формально у президента 2 срока по 5 лет, однако, если в течение второго срока будут объявлены досрочные президентские выборы, два срока «обнуляются» [3].

Таким образом, в период глобальных перемен, крайне динамичной международной ситуации и на фоне развития глобального экономического кризиса и перехода на новый технологический уклад мировой экономики, турецкий лидер создал условия для монополизации внешнеполитических решений и внутривластной жизни государства.

Одним из достижений Партии справедливости и развития является существенная ликвидация модели зависимого развития турецкого государства от США, которая создавалась Вашингтоном с 1945 года. Она основывалась на американском контроле ключевыми элементами турецкого общества: армии, части экономики, турецкой элиты и моделировании внешней политики, через втягивание Анкары в проамериканские блоки [4].

Существенно ослабив американское влияние на внутреннюю и внешнюю политику Турции, руководство Партии справедливости и развития провозгласило

амбициозную цель – превращение Республики в региональную державу и в одного из ведущих мировых игроков.

Современная модель внешней политики Анкары представляет собой два уровня. Верхний этаж – глобальный, где Турция ориентируется на США и на свои союзнические обязательства по НАТО. Нижний – региональный, где Анкара пытается реализовать свои собственные региональные интересы и проекты, которые могут противоречить современным интересам Вашингтона.

Анализ внешней политики умеренных исламистов позволяет выявить определенные сущностные этапы ее эволюции:

2002–2005 гг.: этот период может быть отнесен к первому этапу их правления, когда руководство Партии справедливости и развития по инерции воспроизводило предшествующий курс с медленным поворотом на Восток и переводом политики на цивилизационные рельсы развития. Верхняя дата данного периода характеризуется ростом критических высказываний в риторике руководства Турции в отношении ЕС, раздраженного положением Турции как «вечного кандидата» в ряды Европейского союза.

2005–2016 гг.: этап активного разворота в сторону реализации более независимой региональной внешней политики и реализации доктрины «Стратегической глубины»

2016 – до настоящего времени: официальный отход от принципов «Стратегической глубины» в сторону более жестких методов реализации своих национальных интересов в регионе.

Анализ концептуальных основ турецкой внешней политики позволяет сделать вывод, что ее основой, несмотря на отставку в 2016 году А. Давутоглу с поста турецкого премьер-министра, остается его концепция «Стратегическая глубина», хотя в настоящее время на официальном и экспертном уровне декларируется существенный отход от нее [5].

Турецкая «Стратегическая глубина» может быть описана рядом взаимосвязанных параметров: «Турция, как центральное государство», «приоритет мягкой силы», «ноль проблем с соседями», «экономическая взаимозависимость», «историческое наследие», «гуманитарная дипломатия», «международное посредничество», «страна-модель», «энергетический хаб-коридор».

Каждый из описанных параметров в турецкой системе внешней политики должен был работать на достижение главной цели: вынесение вглубь турецкой территории стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства, то есть, речь идет о пересобирании новой усеченной Османской империи на основе новых/старых смыслов.

Идеи «Стратегической глубины», по сути, начали популяризироваться с момента назначения А. Давутоглу главным советником премьер-министра и послом по особым поручениям в 2002 году.

Однако после отставки Давутоглу с должности премьер-министра в 2016 году несколько параметров «Стратегической глубины» были подвергнуты значительному пересмотру. Очевидно, что парадигма «ноль проблем с соседями»

перестала быть актуальной после начала военной кампании Турции в Сирии, по этой же причине «жесткая сила» заменила «мягкую».

Переход к «жесткой силе» был связан и с объективными причинами – новыми явными вызовами национальной безопасности, возникшими после 2010 гг.: борьба с ДАИШ (ИГИЛ – запрещенная в РФ организация), силовое участие в Сирийском кризисе, силовое противостояние с курдскими движениями (РПК и региональные филиалы партии), миграционный кризис, сдерживание экспансии Ирана и России, проблема «несостоявшихся государств», которые могут дать импульс для создания курдского государства, силовая политика США в регионе – заставили руководство Турецкой Республики перейти к более отвечающим таким вызовам методам, которые уже не могла обеспечивать «мягкая сила».

В тоже время, внешнеполитические цели Турции по созданию собственной исключительной сферы влияния на Ближнем и Среднем Востоке не изменились, поэтому тезис о том, что после 2016 года «Стратегическая глубина» потеряла свою актуальность, представляется неверным. Скорее уклон в подобных научных турецких статьях носит идеологический характер, связанный с желанием аналитического сообщества, ориентированного на правящую партию, занизить заслуги А. Давутоглу, после его отставки и разрыва с Р. Т. Эрдоганом [5].

Российско-турецкие отношения с 2002 года характеризуются двумя разноплановыми и противоречивыми тенденциями – сотрудничества и конкуренции. Однако можно найти много общего при сравнении партийных проектов Партии справедливости и развития (2002) и Единой России (2003) – обе партии пришли к власти с разницей в один год и эксплуатируют схожие предвыборные и политические модели во внутренней и внешней политике, основанные на возрождении государств в качестве региональных центров силы.

Москва и Анкара имеют амбивалентные геополитические интересы и экономические связи и, как показывает исторический опыт, два региональных субъекта обречены быть одновременно и союзниками, и конкурентами, однако, в текущий исторический период руководство региональных держав предпринимает усилия для преобладания сферы сотрудничества в российско-турецких отношениях. Беспрецедентное сближение России и Турции повторялось в истории двусторонних отношений государств неоднократно (Ункяр-Искелесийский договор 1833 года, большевистско-кемалистское сближение в начале 1920-х), однако они лишь показывали цикличность и изменчивость таких отношений.

В сфере реальной политики, в основе российско-турецких отношений лежит взаимодействие в выстроенной сложной системе сдержек и противовесов. Данная система работает на двух уровнях. Первый – это непосредственное взаимодействие двух региональных держав по стратегическим направлениям: разделение сфер влияния в Черноморском регионе, сотрудничество в сирийском конфликте, экономическое и военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в других направлениях, направленное на формирование новой модели многополярного мира и большей свободы выбора региональных держав в военной, финансово-экономической сферах и в целом – сфере реализации национальных интересов.

Второй уровень двусторонних отношений связан с конкуренцией России и Турции, который в настоящее время осуществляется опосредованно, через создаваемую двумя сторонами систему стран-партнеров и союзников. Армения, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра, Катар и другие – в своей внешней политике имеют четкую противоположную ориентацию в рамках системы взаимодействия Москвы и Анкары, формируя региональный баланс сил.

Периодизация российско-турецких отношений может быть описана в следующих рамках:

2002–2014 гг. – период интенсивного сближения России и Турции на основе противодействия усилению влияния нерегиональной силы в Черноморском регионе.

2014–до настоящего времени – появление явных противоречий в двусторонних отношениях, которые обусловлены активной внешней политикой России в Сирийском кризисе – зоне «Стратегической глубины» Турции и восстановлении российского суверенитета над Крымом.

Российско-турецкие противоречия сконцентрированы вокруг сотрудничества и конкуренции в Сирии, на постсоветском пространстве (Южный Кавказ, Центральная Азия, Украина), в Черноморских проливах и на шельфе Черного моря. Кроме того, Россия предлагает ряд высокотехнологичных проектов (строительство атомной станции в провинции Аккую, контракты по военно-техническому сотрудничеству) и эта сфера сотрудничества также становится элементом, как кооперации, так и конкуренции в системе двусторонних отношений, так как Турция активно разыгрывает эту карту для торговли с США и Европой, как традиционными союзниками Анкары.

Самые значительные подвижки в реализации турецкой внешней политики произошли в Черноморском регионе после 2014 года. Хотя Анкара, по сути, способствовала присоединению Крыма к России [6, С. 113], этот процесс разрушил выстраиваемый десятилетием ранее региональный баланс сил в Черноморском регионе. Турция восприняла переход Крыма под юрисдикцию России как меньшее зло по сравнению с появлением американских баз на полуострове, однако, обратной стороной этого исторического факта становится усиление России не только в Черноморском, но и Средиземноморском регионе – в зоне турецкого ближнего зарубежья. Ответом Турецкой Республики является создание военно-морской базы на Черном море в провинции Трамбзон, г. Сюрмене (270 км. от г. Сочи), развитие военно-технического сотрудничества с Украиной, публичная дипломатическая поддержка крымских татар и украинской позиции в отношении «аннексируемого Крыма», которая ежегодно декларируется турецким МИД накануне 16 марта – то есть, усиление своих позиций в Черноморском регионе.

Однако самым большим вызовом для российской внешней политики является реализация проекта по созданию параллельного Босфору и Дарданеллам искусственного канала, который может в перспективе размыть конвенцию Монтрё, которая действует с 1936 года и в настоящее время полностью отвечает интересам РФ.

Россия и Турция безусловно заинтересованы в продолжении существования режима конвенции Монтрё. Размывание существующего режима, автоматически будет означать применение норм и положений Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года, по которой проливы будут отнесены к категории международных и к ним в полном объеме будет применено право транзитного прохода, как для гражданских судов, так и для военных кораблей. По сути, это будет повторение Лозаннского режима прохода через Черноморские проливы, действовавшего с 1923 по 1936 гг., что крайне невыгодно для России, впрочем, как и для Турции.

Еще в 2011 году, будучи премьер-министром Турции Р. Т. Эрдоган анонсировал создание искусственного канала «Стамбул», соединяющего Черное и Мраморное моря. В 2018 году начаты работы по его строительству, которые должны завершиться к столетию Республики к 2023 году. Новый согласованный маршрут «Стамбульского канала», который пройдет через турецкую столицу – уже четвертый по счету. 45-километровая судоходная артерия возьмет свое начало у озера Кючук Чекмедже, соединяющегося с Мраморным морем, и через плотины Сазлыдере и Теркос выйдет в Черное море. Проектная ширина канала – 400–500 метров, глубина – 25–30 метров, что позволяет проводить через него нефтяные танкеры с вдвое большим водоизмещением, чем те, что сегодня проходят через Босфор. Согласно предварительным расчетам, ежедневно через новый канал сможет проходить до 160 судов и кораблей в день, что превышает современную пропускную способность пролива Босфор [7].

В 1994 году Турция вводит экологические ограничения в режим судоходства в Черноморских проливах и с тех пор активно использует экологическую риторику, пытаясь подменить международный режим регулирования нормами своего внутреннего законодательства. Одновременно этот фактор использовался для давления на российскую сторону и продвижения проекта нефтепровода «Баку-Джейхан». Ввод же параллельного Босфору канала повысит геополитическую роль Турции в регионе и одновременно откроет систему неопределенностей, прежде всего для государств Черноморского региона в экономической и военно-политической сферах. Иными словами, создание канала «Стамбул» несет в себе латентные риски для современной России даже на стадии проектирования и реализации.

Еще одной проблемой в Черноморском регионе, проявившейся в российско-турецких отношениях после 2014 года, является вопрос разделения Черноморского шельфа. В 1978 году между второй сверхдержавой и Турецкой Республикой было заключено соглашение о разграничении континентального шельфа: дно Черного моря было разделено между двумя странами по модифицированной срединной линии, каждая точка которой располагалась на равном удалении от советского и турецкого побережья.

Развал СССР несколько усложнил картину разделения Черноморского шельфа: на украинско-турецкую, российско-турецкую и грузино-турецкую части. Российско-грузинский конфликт 2008 года и отторжение от Грузии не только сухопутной Южной Осетии, но и имеющей продолжительную береговую линию Абхазии и восстановление российского суверенитета над Крымом в 2014 году создали

международную правовую коллизию и геополитический эффект домино – когда Турция, не признавая новые реалии, не признает и юрисдикцию России в морских акваториях вокруг Крыма.

Турецкое восприятие крымской проблемы, исходя из логики Стратегической глубины, является скорее внутривнутриполитической и имеет прямое электоральное измерение. По крайней мере, отчасти. Политический союз Партии справедливости и развития и Партии национального действия, сложившейся в 2018 году, также не будет способствовать смене дипломатической риторики Эрдогана в отношении признания Крыма в ближайшем будущем.

С проблемой двусторонних отношений в Черноморском регионе тесно связан вопрос разрешения сирийского конфликта, где Турция, Россия и Иран с одной стороны конфликта пытаются нормализовать ситуацию. Однако и здесь режим сотрудничества/конкуренции также четко проявляется исходя из следующих факторов.

Во-первых, по мере продвижения процесса урегулирования сирийского конфликта становятся все более очевидными противоречия внутри Астанинского формата между Россией, Турцией и Ираном – держав, которые проводят военные операции на территории Сирии. Эти тенденции буквально в ручном режиме преодолеваются президентами трех региональных держав, однако противоречий становится все больше, и они проявляют различные оттенки.

Во-вторых, процессы военного урегулирования в рамках Астанинского формата явно опережают Женевский формат (Россия, США, ЕС, Египет, Саудовская Аравия, Иран, Китай, ОАЭ, Ирак и др.), который носит политический характер. Иными словами, на глобальном уровне военные успехи РФ, Турции и Ирана не получают политического оформления.

В-третьих, участники Астанинской тройки имеют разные представления о будущем Сирии и часто диаметрально противоположные интересы. В то же время, режим раздела «сфер влияния», на котором он базируется, пока работает. Однако, эта ситуация может измениться при любом незначительном внутреннем или внешнем потрясении.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, на протяжении последних 17 лет у власти в Турции находится партия Справедливости и развития, которая вернула Турцию на рельсы державного возрождения. В настоящее время Турция является региональным центром силы по основным показателям: военному, технологическому, экономическому и фактору притягательности массовой культуры. Этот процесс стал возможен после ликвидации системы зависимого развития Турции от США, которая создавалась Вашингтоном с 1945 года.

Во-вторых, общая траектория эволюции внешней политики Турции в хронологическом периоде 2002–2019 гг., проходит три этапа: первый связан с инерцией прежнего политического периода с одновременным внедрением новой региональной политики, которая становится актуальной с 2005 года и в основе которой лежит «Стратегическая глубина». Этот период продолжается до 2016 года, когда отдельные задачи турецкой внешней политики стали решаться за счет более

жестких подходов, однако, цели не изменились – стать региональной державой и влиятельным глобальным игроком к столетию Турецкой Республики – к 2023 году. В этом контексте речь должна идти о модернизации подходов «Стратегической глубины», а не о потере ее актуальности.

В-третьих, после 2016 года такие компоненты «Стратегической глубины», как «мягкая сила» и «ноль проблем с соседями» потеряли актуальность и были заменены прямыми военными действиями в сирийском конфликте и как следствие столкновением с конкурентными региональными державами – Саудовской Аравией, Израилем и США. Турция выступает в сирийском кризисе в коалиции с Россией и Ираном, хотя противоречия внутри Астанинского формата делают военно-политический союз достаточно проблемным, временным и придают военно-политическому противостоянию противоборствующих коалиций массу оттенков.

В-четвертых, отношения России и Турции с начала XXI века прошли определенную эволюцию. Обе державы работают на двух уровнях, являясь партнерами и конкурентами одновременно. Процессы ограниченного военно-технического сотрудничества, проекты в энергетической сфере и в вопросах координации действий по сокращению влияния США на юге Евразии и особенно в Восточном Средиземноморье и Черноморском регионе сближают позиции Анкары и Москвы. В то же время, существует ряд фундаментальных противоречий, который связан с конкуренцией России и Турции: в настоящее время он осуществляется опосредованно, через создаваемую двумя сторонами систему стран-партнеров и союзников. Армения, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра и другие в своей внешней политике имеют четкую противоположную ориентацию и конкурируют в рамках системы взаимодействия Москвы и Анкары, формируя тем самым региональный баланс сил. С молчаливого согласия Анкары США и их союзники, нашли механизмы для того, чтобы, не нарушая конвенцию Монтрё, постоянно держать Черноморский флот РФ в напряжении. Американские корабли и корабли союзников США на регулярной основе начали заходить в Черноморский бассейн. Турки начали активно поддерживать Украину в территориальных спорах с Россией, причем, позиция турецкой элиты на украинском направлении выглядит открыто вызывающей: от дипломатической поддержки и эмоциональных высказываний до поставки турецких ударных беспилотников. Турки создают новую базу ВМС на Черном море и строят искусственный черноморский канал «Стамбул», который к столетию Республики в 2023 году начнет функционировать параллельно Босфору.

Квазистабильность двусторонних российско-турецких отношений связана также с тенденциями ослабления глобальной сверхдержавы – США – и с заполнением вакуума военно-политического влияния региональными акторами. В этом случае неизбежно возникают обоюдные противоречия между региональными державами, для преодоления которых требуется чрезвычайная политическая воля национальных лидеров, компетентность государственных органов, формирующих внешнеполитический курс, и понимание, что в основе любой формы компромисса лежит нереализованность определенной доли национальных интересов, когда этот

компромисс может быть интерпретирован как проигрыш обеих сторон, равно как и их выигрыш.

В любом случае только умеренные исламисты Турции смогли достичь значительных внешнеполитических успехов, найдя, по всей видимости, баланс между геополитическими интересами, достигаемыми целями и необходимыми ресурсами для обеспечения первых двух категорий.

Список литературы

1. National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (Дата обращения: 17.05.2019).
2. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. – C.2. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (Дата обращения: 17.05.2019).
3. Современная Турция: тренды развития и значение для России. Под ред. Л. С. Варгазаровой, И. Я. Кобринской, С. В. Уткина. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 54 с.
4. Ирхин А. А. США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз / А. А. Ирхин. – Севастополь: «РИБЕСТ», 2016. – 208 с.
5. Keyman E. Fuat. A new Turkish foreign policy: towards proactive «Moral realism». URL: <http://theconsreport.blogspot.com/2017/04/a-new-turkish-foreign-policy-towards.html> (Дата обращения: 17.05.2019).
6. Ирхин А. А., Нелина Л. П. Россия и Турция на пороге 2018 года: «Большая игра» на Ближнем и Среднем Востоке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – № 1. – С. 110–118.
7. Государственная альтернатива: зачем Турция собирается прорыть параллельный Босфору канал. URL: <https://russian.rt.com/world/article/546959-kanal-bosfor-stambul-more> (Дата обращения: 17.05.2019).

Irkhin A. A. The External Policy of the Justice and Development Party of Turkey and Geopolitical Interests of Russia // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 51–62.

In 2002 the Justice and Development Party won power in Turkey and within 15 years its activity resulted into Turkey's leadership in the four key criteria of power: economics, military potential capacity, independent technological possibilities and attractive mass culture. These allow to consider Turkey as a regional power in the Near and Middle East and in the Black Sea and Mediterranean region. Though in the 2019 elections in some key districts of Turkey, Istanbul, Erdogan's native city, included, the Justice and Development Party lost pluralities, it continues to be the main political power in the country and a driver of new regional subsystem of international relations in the Near and Middle East and in the Black Sea and Mediterranean region. Since the beginning of the 21st century the relations between Russia and Turkey evolutionized and developed, but the system similarity of the party concepts of the Justice and Development Party and the United Russia preconditioned the basis of their common interests devoted to the state renovation of traditional regional empires that should lead to erosion of the unipolar model in the region. But while the global power (the USA) becomes weaker and the vacuum of the military and political influence is filled with regional actors, mutual contradictions become inevitable. To overcome these, some conditions are to be fulfilled: the national willpower of both leaders, competence of governments that form the international course, and understanding that any compromise means the loss of a part of national interests when it is taken both as a loss and a victory of the parties.

Keywords: Turkish Republic, Russia, the USA, foreign policy

References

1. National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (Accessed: 17 May 2019).
2. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. – P.2. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (Accessed: 17 May 2019).
3. Sovremennaya Turtsiya: trendy razvitiya i znachenie dlya Rossii [Modern Turkey: Development Trends and Significance for Russia]. Text edited by L. S. Vartazarova, I. Ya. Kobrinskaya, S. V. Utkin. Moscow, IMEMO RAN, 2019, 54 p.
4. Irkhin A. A. SShA i Turtsiya: strategicheskii soyuz i takticheskie raznoglasiya. Retrospektiva i prognoz [USA and Turkey: a Strategic Alliance and Tactical Differences. Retrospective and Forecast]. Sevastopol', «RIBEST», 2016, 208 p.
5. Keyman E. Fuat. A new Turkish foreign policy: towards proactive «Moral realism». URL: <http://theconsreport.blogspot.com/2017/04/a-new-turkish-foreign-policy-towards.html> (Accessed: 17 May 2019).
6. Irkhin A. A., Nelina L. P. Rossiya i Turtsiya na poroge 2018 goda: «Bol'shaya igra» na Blizhnem i Srednem Vostoke [Russia and Turkey on the Threshold of 2018: “Great Game” in the Middle and Middle East]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of the Crimean Federal University Named After V. I. Vernadsky. Philosophy. Political Science. Culturology], 2018, no. 1, P. 110–118.
7. Gosudarstvennaya al'ternativa: zachem Turtsiya sobiraetsya proryt' parallel'nyi Bosforu kanal [State Alternative: Why Turkey is going to Dig a Canal Parallel to the Bosphorus]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/546959-kanal-bosfor-stambul-more> (Accessed: 17 May 2019).